

Анастасия Сергеевна Лысцова
(Уральский Федеральный Университет, Екатеринбург)

«С ызвестными тремя господами имел я лишь только теперь... конференцию»: «конспекты» А.И. Остермана как уникальный источник в делопроизводстве XVIII в.¹

«With the known three gentlemen I had only now ... a conference»: «notes» of A.I. Osterman as a unique source in paper work of the XVIII century.

Annotation: In the first quarter of the 18th century was established a new state management system in Russia and the rules of its functioning were written down. One of the basic acts containing these principles was the "General Reglament" published in 1720, which defined the work of the colleges and their structures, as well as the office system. However, "Reglament" did not include such documents that may have arisen as a result of daily practice. The article is devoted to such documents, more precisely - "synopses" from "conferences", whose author was the Minister of the Cabinet A. I. Osterman. Such synopses appeared in non-standard situation and contained information which, due to their specificity, could not be recorded in the documents described in the "General Reglament". These documents allow to examine the mutual relations of the ministers in the Cabinet.

Keywords: Russian empire, the history of record keeping, the General Regulations, the Cabinet of Ministers, Anna Ioannovna, A.I. Osterman, XVIII century.

«Z wiadomymi trzema panami odbyłem dopiero teraz... konferencję»: „konspekty” A. I. Ostermana jako unikalne źródło dla kancelarii XVIII wieku.

Streszczenie: W pierwszej ćwierci XVIII w. powstał w Rosji nowy system zarządzania państwem, a także spisano zasady jego funkcjonowania. Jednym z podstawowych aktów, zawierających te zasady, był „Generalny Reglament” opublikowany w 1720 r. Określał on prace

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.8064.2017/8.9 «Коммуникативные поля бытования инновационных процессов в России Нового времени: генезис, функционирование, трансформации» (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет).

колегіów i ich struktury, a także – system kancelaryjny. Jednak „Reglament” nie uwzględniał takich dokumentów, które mogły powstać w wyniku codziennej praktyki. Artykuł jest poświęcony właśnie takim dokumentom, a dokładniej – „konspektom” z „konferencji”, których autorem był Minister Gabinetu A. I. Osterman. Takie konspekty pojawiały się w sytuacjach niestandardowych i zawierały informacje, które ze względu na swoją specyfikę, nie mogły zostać zapisane w dokumentach opisanych w „Generalnym Reglamente”. Dokumenty te pozwalają na zbadanie wzajemnych stosunków ministrów w Gabinetcie.

Слова ключевые: Imperium rosyjskie, wiek XVIII, Anna Iwanowna, A. I. Osterman, historia kancelarii, Generalny Reglament, gabinet ministrów.

28 февраля 1720 г. был издан один из ключевых законодательных актов Российского государства раннего Нового времени – Генеральный регламент². В нем прописывались нормы, определявшие порядок организации работы коллегий и подчинённых им структур, в том числе – организации делопроизводства. Видовой спектр документов, предусмотренный ими, имел целью отразить официальную информацию, циркулирующую в рамках работы государственных органов. Таким образом создавалось нормативное поле, регламентирующее порядок делопроизводства административного аппарата. Но все ли виды документов попали в это «поле»? Вероятно, нет, так как человеческая деятельность непредсказуема и ее невозможно регламентировать, как и предугадать все ситуации, в которых может возникнуть необходимость в письменной фиксации.

В данной статье речь пойдет именно о таких документах, оказавшихся вне нормативного «поля» Регламента и связанных с деятельностью гр. А.И. Остермана, одного из влиятельнейших чиновников первой половины XVIII в. Так как их невозможно однозначно отнести к какому-либо виду документов, мы решили обозначить их как «конспекты», учитывая специфику содержания. Они составлялись Остерманом по итогам так называемых «конференций», которые проходили в его доме, как минимум, с 1738 г. Нам известны «конспекты» с «конференций» по двум случаям – встречам кабинетных министров в доме Остермана по вопросам деятельности Комиссии по горным заводам (1739/1740 гг.) и престолонаследия (1741 г.).

Обратимся к первому источнику, связанному с обсуждениями вопроса о приватизации казенных металлургических заводов, активизировавшимися в российском правительстве в конце 1730-х гг.

3 марта 1739 г. императрица Анна Иоанновна утвердила Берг-регламент, в котором объявлялось о начале приватизации казенных металлургических заводов³. Однако механизмы самого процесса не были четко прописаны, что стало поводом для продолжения обсуждений в правительстве условий передачи. Именно в связи с этим в доме А.И. Остермана несколько раз заседал Кабинет министров⁴, по-

² Генеральный регламент (28 февраля 1720 г.), [w:] Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Типография 2 Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830 (далее – ПСЗ). Т. VI, № 3534, с. 141–160.

³ ПСЗ. Т. X. №7766. С. 734–739.

⁴ Российский Государственный Архив Древних Актов в Москве (далее: РГАДА), ф. 151, д. 64,

сле чего Остерман составил краткий недатированный «конспект» на немецком, переведенный позже на русский язык. О времени создания можно рассуждать по некоторым косвенным данным. Так, в документе упоминается «представление» английского купца Г. Мейера, которое было «неапробовано»⁵. В нем Мейер просил передать ему в собственность сибирские металлургические заводы⁶. Документ был подан 9 августа 1739 г., а отклонен Анной Иоанновной 21 ноября того же года. Кроме того, в «конспекте» упоминались предоставленные В.Н. Татищевым ведомости о ежегодной прибыли в казну. Согласно документу, «кабинет-министры ... объявили, коим образом» императрица «указала с тайным советником Татищевым о том деле поговорить, и что болезнь сего последняго препятствовала требуемья от него ведомости **прежде** (выделено нами – А.Л.) получить»⁷. Согласно Н.Н. Петрухинцеву, требуемые документы Татищев подал 16 декабря 1739 г. Таким образом мы можем уверенно говорить, что нижняя граница составления документа – 16 декабря 1739 г. Определить верхнюю помогает подписанный кабинетными министрами 21 марта 1740 г. доклад, составленный по результатам обсуждений татищевских сведений⁸. Соответственно, «конференции» были проведены в период с 16 декабря 1739 г. по 21 марта 1740 г. В это же время появились «конспекты».

Согласно источнику, императрица «указала ... дело о горных заводах ... решить»⁹. Для этого два министра А.П. Волынский и А.М. Черкасский приехали домой к Остерману – весь состав Кабинета был собран. «Конференция» шла практически весь день, «как предполуднем, так и пополудни»¹⁰. С самого начала переговоров по горным делам Остерман обозначил свою позицию, заявив, что «понеже им обоим (А.П. Волынскому и А.М. Черкасскому – А.Л.) самим известно, коим образом ... все то, что в оных горных делах чрез некоторое **довольное** время происходило **совершенно неизвестно** (выделено нами – А.Л.), то я от них знать желаю, о чем мы обще советовать и на что я мое малое мнение открыть имею»¹¹. Во-первых, из этой формулировки становится ясно, что Остермана долгое время держали в неведении по горному вопросу (последнее известное нам упоминание о привлечении Остермана к совместным обсуждениям относится к 28 августа, 1 сентября 1738 г.). Во-вторых, он явно хотел, чтобы прибывшие министры самостоятельно ввели его в курс дела, даже если бы он заранее был извещен о теме разговора.

Предметом для обсуждения стали данные, предоставленные В.Н. Татищевым о ежегодной прибыли в казну, а также «кондиции», по которым горные заводы следовало передать в частные руки. При этом речь зашла и о международной торговле. Главное дело, по мнению графа, состояло в том, чтобы увеличить экспорт железа и «ежегодно прибавить; чем казенные доходы умножатся и притом интерес в разсуждении соседей наших получен будет»¹², так как «на показанную от тайнаго

л. 15–23 об.

⁵ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 15 об.

⁶ Н.Н. Петрухинцев, *Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740)*, с. 908–909.

⁷ РГАДА. Ф. 151. Оп 1. Д. 64. Л. 16–16 об.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 1507. Л. 385 об. Благодарю М.А. Киселева за указание на этот документ.

⁹ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 15.

¹⁰ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 15.

¹¹ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 15–15 об.

¹² РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 17 об.

советника Татищева прибыль» полагаться нельзя¹³. При этом Остерман указал, что «по всемилостивейшему Ея Императорского Величества указу прежде сего подданному всеподданейшем мнении, как о сем, так и о других при сем важном деле являющихся затруднениях обстоятельно размышлял»¹⁴. По прогнозам Остермана, у промышленного сектора в России были неплохие перспективы. Он был уверен, что экспорт должен составлять «наиглавнейший интерес», и чем больше он будет, тем «вящшая прибыль казне прирастать будет». Согласно его мнению, «ныне уже в государстве столько медной и железной руды сыскано, что ежели в оном ревностно поступиться, то Россия вящшую часть Европы медью и железом довольствоваться может»¹⁵. При этом, не изменяя своей традиции, Остерман высказывался достаточно неопределенно и со ссылкой на неосведомленность и даже некомпетентность по решаемым вопросам, о чем свидетельствуют фразы, типа «по моему малому мнению», «я малое или никакого знания не имею»¹⁶.

Во время всего разговора Остерман (намеренно или нет?) зафиксировал лишь несколько ответов А.П. Волынского, в том числе следующее: «Господин Кабинетный министр Волынский ... сказал, что всякой человек своим мнением погрешить может, и что он ныне охотно признавает, что коль более он с того времени сии дела рассматривал, толь наипаче на то мое мнение согласуется. На сие я ответствовал, что ныне о том уже говорить не надлежит»¹⁷. Интересно, что, судя по всему, Черкасский не высказывался вовсе, так как его реплик не зафиксировано.

В это заседание к общему мнению прийти не удалось. Решили собраться на следующий день, пригласив В.Н. Татищева. Однако, по подробности «конспект» уступает предыдущему дню, так как единственная запись была следующей: «Все, что при том заседании или разговоре происходило и говорено, в той же силе было, что вышепоказано (имеется ввиду «конспект» за предыдущий день – А.Л.). И господа Кабинетныя министры хотели по силе того нашего мнение написать, тогда паки съехаться, вместе апробовать и подписать»¹⁸. Т.е. пришли к тому, что необходимо сочинить одно общее мнение, которое следовало вместе обсудить, согласовать и подписать. Однако, этого не произошло. Остерман «многократно» (!) напоминал министрам «о скорейшем поспешествовании того дела». Но единственной реакцией стало то, что спустя несколько дней к Остерману пришел кабинет-секретарь и «объявил», что «оба господина кабинетныя министры мнение свое написали»¹⁹. Остерман приказал ему узнать у них, приедут ли они, согласно обещанию, к нему «для заключения сего дела», однако он так ответа не получил²⁰.

Другие «конспекты», известные нам, были составлены почти 2 года спустя в связи с обсуждениями вопроса престолонаследия²¹. Дело в том, что в

¹³ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 17-17 об.

¹⁴ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 18-18 об.

¹⁵ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 22

¹⁶ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 17 об., 18 об.

¹⁷ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 19-19 об.

¹⁸ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 23.

¹⁹ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 64. Л. 23-23 об.

²⁰ РГАДА. Ф 151. Оп 1. Д. 64. Л. 23-23 об.

²¹ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. «Конспекты» заседаний частично были опубликованы П.П. Пекарским (Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы

это время на троне находился младенец-император Иоанн VI Антонович, которым свои наследником в манифесте назначила Анна Иоанновна. Порядок дальнейшей передачи власти в случае преждевременной смерти Иоанна и без его волеизъявления был прописан в духовной императрицы. Согласно ей, наследником должен стать его брат (а в случае его отсутствия – совет). Однако, у Иоанна была лишь сестра, родившаяся летом 1741 г. К тому же ситуацию осложняли непростые отношения со Швецией, правительство которой желало видеть на престоле Елизавету Петровну. Все это не гарантировало в случае внезапной смерти младенца-императора спокойного перехода престола его преемнику, имя которого также не было определено ввиду отсутствия у Иоанна братьев. Это стало поводом для обсуждения и выработки новых механизмов престолонаследия, которые произошли на «конференциях» в доме Остермана 2–3 ноября 1741 г. по указу матери-регента Анны Леопольдовны. Иесли в первый день встретились Остерман с М.Г. Головкиным (он занял место в Кабинете после А.П. Бестужева-Рюмина) *tet-a-tet*, то на второй собрались полным составом с приглашенным первенствующим членом Синода архиепископом Новгородским и Великолуцким Амвросием. Таким образом, «конференция» должна была вновь пройти в формате собрания Кабинета министров с приглашенным участником – в данном случае, им стал представитель церкви.

2 ноября М.Г. Головкин прибыл в дом А.И. Остермана. Судя по всему, Остерман неслучайно прежде пригласил именно его, так как только после этой встречи желал «с новгородским архиереем и с князем Черкасским о сем деле иметь конференцию»²². Судя по всему, сам гость на встречу не торопился: «Хотя Его превосходительство господин граф Головкин обещал быть ко мне еще до обеда, однакож уже пополудни приехал»²³. При этом о предмете разговора Остерман оповестил Головкина уже на месте. Главной проблемой в престолонаследии стало появление у императора младшей сестры – Екатерины, ввиду чего Анна Леопольдовна пожелала закрепить право наследования за своими дочерьми. Это означало, что было необходимо разработать документ, в котором учитывалось право принцесс на власть. Судя по «конспектам», Головкин так и не высказал принципиальных возражений по включению женской линии в очередь наследования, но и не выразил никакой другой собственной позиции, пожелав взять «дня два о том подумать»²⁴, после чего покинул дом Остермана.

Однако, уже на следующий день, т.е. 3 ноября, секретарь Суслов сообщил Остерману о том, что к нему приедут министры «пополудни около четвертого часа». К этому времени Остерман должен был пригласить еще одного участника – архиепископа Амвросия. Правда, граф на это ответил, что ему «приятно будет, чтоб архиерею повешено было о том из Кабинета», отметив, что перед этой встречей Амвросий с кабинетными министрами уже виделся²⁵.

вступления на престол императрицы Елисаветы. С. 154–160).

²² РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 42.

²³ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 41.

²⁴ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 42–42 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 43.

К пяти часам к Остерману явился М.Г. Головкин. Попытки Остермана вывести его на приватный разговор до прибытия остальных участников «конференции» вновь не увенчались успехом. Когда прибыл Черкасский, Остерман покинул министров «для известной ... болезни ... на час в другую палату»²⁶. Пока Остерман отсутствовал, прибыл Амвросий. После возвращения с процедур хозяина дома «Головкин промолвил, что они ... ожидают о том слышать, для чего они созваны», о чем Остерман «представил обстоятельно»²⁷. Он вновь обратился к проблеме наследования принцессами: «Для отвращения всех замешательств и смячений при будущей во власти Божей состоящих случаях, потребно наследство именно утвердить и на принцесс сестр императорских, как оно до них и без того принадлежит, и что в том состоит причина сего собрания, дабы учинить общей совет, каким образом в том наилучше поступить можно было»²⁸. Черкасский и Амвросий высказали свою точку зрения. Первый поддержал Остермана, ответив, что «принцессы в России в таком случае наследуют, когда не бывает принцов»²⁹ (на этот раз, в отличие от совещаний в 1739 г. по горным делам, Черкасский высказывал свою позицию). Это же подтвердил Амвросий. Однако Головкин сослался на духовную 18 октября 1740 г., в которой «содержатся такие вещи, как, например, что бывшей регент обще с сенатом и генералитетом избрал наследника». Получалось, что Головкин продвигал идею более широкого собрания для решения проблемы. Однако Остерман выразил несогласие с этим, сославшись на следующее: «Духовная склонялось толко до бывшего регентского правления, а узаконение о наследстве (Манифест 1731 г. – А.Л.) до того ненадлежит, но что оно еще при жизни Ея Императорского Величества опубликовано и присягами утверждено, и что в том теперь вся сила состоит, что там о принцессах не упомянуто»³⁰.

Несмотря на все усилия, Остерман не смог достичь своей цели прийти к общему решению узким совещанием, даже апеллируя к внешнеполитической угрозе³¹. При этом он поинтересовался у Головкина, когда произойдет следующая встреча, ведь последнему известно, что Остерман «по... несчастьем всегда дома, и, следовательно, всегда к тому готов»³². Амвросий предложил встречу во вторник, но Головкин «сказал, чтоб на то известного дня не определять», так как с Черкасским видятся в Кабинете постоянно, куда может и Амвросий приехать. А после обсуждения они могут сообщить дату Остерману. На этом «конференция» закончилась.

Итак, мы располагаем двумя «конспектами» А.И. Остермана, в которых речь шла о заседаниях Кабинета министров за пределами дворца. Их практика составления была явно нестандартной для делопроизводства Кабинета, а сами эти документы с трудом можно отнести к официальным, так как они не подлежали регистрации в журналах исходящих и входящих, не обладали всеми обязательными

²⁶ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 45.

²⁷ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 45 об.

²⁸ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 46.

²⁹ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 46 об.

³⁰ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 46 об–47.

³¹ РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 44.

³² РГАДА. Ф. 3. Д. 8. Л. 47 об.

реквизитами (отсутствовали адресат, автор, вид документа, регистрационные номера и др.), хотя и имели примерно схожую структуру и логику составления. Однако это нельзя назвать мемуаром или запиской «для памяти», которую Остерман написал бы только для себя. Все же «конспекты» составлялись для официального лица по официальному поводу, и в них содержится информация о месте проведения «конференций», присутствующих лицах (в том числе кто и когда прибыл), их репликах по обсуждаемым вопросам, описывается ход переговоров. Можно сказать, что эти «конспекты» сочетали в себе элементы сразу нескольких видов документов – личного письма, доклада, протокола.

Почему Остерман решил создать документы такого рода? В данной ситуации на себя обращает тот факт, что «конференции» проходили исключительно в доме Остермана, который по какой-то причине не мог его покидать. Дело в том, что с 1735 г. у него начинает проявляться перманентная болезнь, из-за которой он с 1736 г. никуда не мог выезжать. Конечно, в Генеральном регламенте, на случай, при котором высокопоставленное должностное лицо из-за болезни не могло покидать свой дом, но при этом его мнение было необходимо, существовали прописанные нормы. Так, согласно главе XVIII «О нехождении ни за кем в дома», «никто, какого б достоинства той Коллегии ни был, не должен один другаго в доме его искать и тем время тратить... разве когда Президенты за болезнию или других помешательств ради в Коллегиум не могут быть: то можно им к себе Секретаря или Нотариуса призвать, и чрез оных мнение свое Коллегии объявить»³³. Эта модель коммуникации работала и в случае с Кабинетом министров. Однако не было никаких норм, предписывающих механизмы сообщения между президентом коллегии (или, в нашем случае, кабинетным министром) и царствующей особой. К тому же, речь шла не о простой болезни, а о постоянном отсутствии при дворе одного из главных политиков, продолжавшееся не один год.

Пока в 1736–1738 гг. в Кабинете министрами были лишь Черкасский и Остерман, действовавшие согласованно, последний мог позволить себе не так часто появляться при дворе и не особо беспокоиться о своем влиянии на императрицу, для которой он оставался ценным специалистом. Однако все меняется с 1738 г., когда третьим кабинетным министром становится А.П. Волынский – ставленник Э.И. Бирона. Пользуясь физическим отсутствием Остермана во дворце, он стремился взять управление Кабинета в свои руки, а также фактически монополизировать влияние на императрицу. В итоге Остерману, лишенному возможности лично сообщать императрице о переговорах, ничего не оставалось, как искать другие пути передачи информации, что в условиях борьбы с Волынским за влияние имело принципиальное значение. Поэтому он обратился к письменной фиксации, в результате чего появились своеобразные «конспекты». Эту же практику он продолжил и при Анне Леопольдовне ввиду продолжающейся болезни и наличия нового конкурента – кабинет-министра графа М.Г. Головкина³⁴.

³³ ПСЗ. Т. VI. С. 148.

³⁴ В мемуарах есть свидетельства о продолжающейся еще с конца 1720-х гг. болезни Остермана. Как сообщал генерал Манштейн, к 1740 г., Остерман был поражен параличом в ногах, из-за чего *несколько лет* (выделено нами – А.Л.) не выходил из комнаты, поэтому часто перемещался в носилках» (Х.Б. Манштейн, *Записки о России генерала Манштейна*, М. 1997. С. 164). Бирон писал, что «гр. Остерман, *несколько лет* (выделено нами – А.Л.) не видавшийся с императрицею, отпавил-

Таким образом, можно утверждать, что цель Остермана при создании «конспектов» состояла не только в простом пересказе событий. Он хотел донести свое видение происходящих «конференций» до царствующей особы. При этом, в тексте содержатся интересные нюансы, которые задают отношение читателя к описываемым событиям. Вряд ли Остерман случайно помещал в «конспект» свои негодования по поводу вынужденного ожидания решения других министров, их явной несогласованности между собой, даже высказываемое по отношению к нему пренебрежение. В совокупности, это указывает на наличие борьбы между кабинетными министрами в конце 1730-х гг.³⁵ Кроме того, анализ источников также демонстрирует, что Остерман отнюдь не играл главной роли в этой борьбе и не был, таким образом, все время «первым» в Кабинете министров, вопреки сложившимся представлениям. Так ли иначе, остермановские «конспекты» дают материал о кулуарной стороне жизни двора, который в силу своей специфики не мог отразиться в иных делопроизводственных документах.

BIBLIOGRAFIA:

źródła archiwalne

Российский Государственный Архив Древних Актов в Москве:

ф. 151, оп. 1, д. 64,

ф. 248, д. 1507,

ф. 3, д. 8.

Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года, Санкт-Петербург 1830:

т. VI, № 3534,

т. X, № 7766.

opracowania

Бантыш-Каменский Д.Н., *Деяния великих полководцев и министров Петра Великого*, Москва 1813, т. 2.

Бирон Э.-И., *Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского*, „Время“ 1861, т. 6, № 12.

Лыцова А.С., *Внутриполитическая деятельность графа А.И. Остермана в 1730 – 1741 гг.*, дисс. ... канд. ист. наук, Екатеринбург 2017.

Манштейн Х.Б., *Записки о России генерала Манштейна*, Москва 1997.

Пекарский П. П., *Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым*, Санкт-Петербург 1872.

Петрухинцев Н.Н., *Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740)*, Москва 2014.

ся к Ея Величеству, говорил с нею без свидетелей» (Э.-И. Бирон, *Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского*, „Время“ 1861. Т. 6. № 12, с. 527, 531–532). На это уже указывает один из биографов А.И. Остермана – Д.Н. Бантыш-Каменский (Д.Н. Бантыш-Каменский, *Деяния великих полководцев и министров Петра Великого*, Т. 2., М. 1813, с. 257–258).

³⁵ См. подробнее о роли Остермана в Кабинете министров: А.С. Лыцова, *Внутриполитическая деятельность графа А.И. Остермана в 1730 – 1741 гг.*, дисс. ... канд. ист. наук, Екатеринбург 2017, с. 63–97.